

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ, ТЕОРИИ И МЕТОДОЛОГИИ

DOI: 10.22363/2313-2272-2020-4-733-751

«Новый национализм» и проблема наций в трактовке американских социальных теоретиков*

М.К. Горшков, Э.А. Баграмов

Федеральный научно-исследовательский социологический центр РАН
ул. Кржижановского, 24/35, стр. 5, Москва, 117218, Россия
(e-mail: director@isras.ru; ebagramov@gmail.com)

В статье анализируется так называемый «новый национализм» — складывающаяся в США и других странах Запада, начиная с последних десятилетий XX столетия, система представлений о нациях, суверенитете, расовых и национальных отношениях, а также течений национализма. Звучавшим недавно прогнозам идеологов глобализма о неизбежном уходе с политической сцены национальных государств, наций и национализма все большее число социальных теоретиков Запада противопоставляет современный национализм, ставший реальным фактором политики, прежде всего, в США. В статье показано разнообразие трактовок национализма, которое позволяет его сторонникам в США проповедовать как откровенно шовинистические идеи, так и либеральные идеи солидарности составляющих нацию групп. Среди причин подъема национализма рассматривается взаимодействие двух тенденций в общественно-политической жизни — политизации этничности и этнизации (национализации) политики. Авторы подчеркивают, что акцент на этнической нации и этническом национализме (в противовес гражданской нации и гражданскому национализму) отражает обострение межнациональной напряженности в США и других странах Запада. Основываясь на анализе публикаций идеологов нового национализма, авторы выделяют его правое крыло, сторонники которого, формально отказавшись от нацизма и расизма, проповедуют сходные идеи, и умеренное либеральное направление, зачастую отождествляющее национализм с патриотизмом. Представители обоих направлений, взывая к национальным интересам и ценностям исторического ядра нации, резко критикуют миграционную политику и мультикультурализм. Помимо «белого» расизма и его эволюции в статье рассматривается размах воинственного национализма и патриотизма в рамках движений афроамериканцев, в частности «Жизни чернокожих имеют значение». В частности, анализируются результаты исследования двойственного сознания афроамериканцев — сохранение идеи «нация в нации» и принятие новой, полностью американской идентичности. На фоне рассуждений многих американских теоретиков об отсутствии американской нации как таковой рассматривается концепция новой идентичности американской нации, которую М. Линд определяет как единство языка и культуры, независимое от расового состава, т.е. выражение либерального национализма и обновленная концепция «плавильного котла». Фактором нынешнего раскола американской нации Линд и его единомышленники считают не расовое или этническое противостояние («балканизация»), а социальную пропасть, разделяющую богатых и бедных. Критику политики правящего класса США «разделяй и властвуй»

* © Горшков М.К., Баграмов Э.А., 2020

Статья поступила 19.06.2020 г. Статья принята к публикации 10.09.2020 г.

авторы считают шагом вперед в социологическом обосновании расовой проблемы и в разработке путей ее решения.

Ключевые слова: нация; национализм; патриотизм; раса; класс; национальная и этническая идентичность; «плави́льный котел»

Что такое «новый национализм»?

Наряду с консерватизмом и либерализмом национализм относится к господствующим течениям политической мысли Запада. Между тем, если проследить литературу за последние полстолетия, трудно найти общепринятое определение этого понятия. В опубликованном в 1970 году в США и Великобритании «Современном социологическом словаре» национализм определяется как «идеология, которая объявляет патриотизм центральной ценностью и укрепляет дух лояльности к той или иной нации» [27. С. 270]. Однако такие однозначные определения встречаются редко. К тому же и термин «патриотизм» принимается далеко не всеми исследователями. Автор фундаментального труда «Лики национализма» американский историк Б. Шейфер называет десять основных качеств, реальных и мнимых, приписываемых патриотизму, который продолжает развиваться, приобретая зачастую новые смыслы [25. С. 17–22]. Три британских социолога Н. Аберкромби, С. Хилл и Б. Тернер, «Социологический словарь» которых вышел за рубежом в 1994 году и был издан в 1997 году в России, выделяют пять общих черт национализма, по которым в социальной науке существует согласие. Первая из них — правительства должны иметь ту же культурную идентичность, что и рядовые граждане [1. С. 183]. В формулировке четвертой черты национализма есть такие слова: «Националистические идеологии весьма привлекательны для подчиненных классов, которым они обещают определенную экономическую защиту от представителей других наций», т.е. речь идет о робких попытках классового анализа.

В отечественной Социологической энциклопедии В.Н. Иванов определяет национализм как «идеологию, систему взглядов, основывающуюся на гиперболизации роли национальных, этнических общностей в историческом процессе» [14. С. 27–28]. Преувеличение или раздувание национального в ущерб социально-классовому — одна из существенных сторон национализма. Различается и отношение к национализму (позитивное, негативное, дифференцированное) — в зависимости от того, идет речь о национализме угнетенных, неполноправных народов или о национализме той или иной нации в демократическом обществе. Российскому читателю, который исторически свылся с негативным содержанием национализма (ксенофобия, шовинизм, расизм, русофобия, мигрантофобия и др.), следует учитывать преимущественно нейтральный смысл данного понятия, широко используемого в западной академической литературе. Так, П.В. Панов, характеризуя западные подходы, пишет: «национализм означает идеологию, движение, направленное на обретение социальной общностью политической целостности, государственности» [11. С. 413].

Долгое время проблематике национализма не уделялось в западной социологии и политологии должного внимания. Положение изменилось в последние десятилетия XX века, во многом в результате нарастающего воздействия глобализации на жизнь стран и народов — встал вопрос, есть ли будущее у национальных государств и наций. Устраняя любые препятствия на своем пути, капитал натолкнулся на национальные границы, которые сохраняются не только благодаря бдительности правительств (не всегда), но и вековому чувству духовной привязанности людей к родным пенатам. Попытки транснациональных корпораций устранить таковые вместе с таможенными барьерами породила рост, подчас взрывной, национального сознания и национализма. «Ключевой нарратив нового мирового порядка — дезинтеграция наций-государств, переходящая в этническую войну, ключевые архитекторы этого порядка — военачальники, а ключевой язык нашей эпохи — этнический национализм» [20. С. 5]. Примечательный факт: западные теоретики, давно и по праву рассматривающие нацию как гражданскую общность, столкнувшись с ослаблением суверенитета своих стран и угрозой его утраты ради интересов всемирного капитала, обращают особое внимание на то, что у нации есть и этническое начало, которое присуще как большинству населения страны, так и меньшинствам, и выражается в языке, культуре и традициях.

Этничность — понятие, пришедшее в социологию и политологию из этнологии, обогащается новыми смыслами и становится одним из важных факторов, с помощью которого социальные теоретики пытаются объяснить меняющийся характер взаимодействия людей и народов. Очевидно, что этому предшествовала активная и зачастую гипертрофированная политизация этничности. И сами политики все чаще обращаются к забытым теоретиками глобализма понятиям: национальная самобытность, национальная идентичность, национальные интересы, что позволяет говорить об этнизации (или национализации) политики.

Уже в конце XX века социальные теоретики Запада как будто пробудились от двадцатилетнего сна эры деколонизации и все чаще называют себя горячими приверженцами интересов нации. Это неудивительно, если вспомнить, например, распад Советского Союза в 1991 году, поставивший вопрос о судьбах целого ряда наций, или террористическую атаку на Всемирный торговый центр 11 сентября 2001 года. Но еще больше национальная и националистическая проблематика (подчас их трудно разделить) актуализировалась под влиянием миграционных потоков, захлестнувших не только Северную Америку, но и западноевропейские страны. Даже в США, стране мигрантов, растет недоверие к приезжим и обостряется расовая проблема, что, впрочем, не мешает правящему классу эксплуатировать не только легальных, но и нелегальных мигрантов, чей дешевый труд приносит властвующей элите баснословные прибыли. А в ряде стран Западной Европы второе дыхание обретает лозунг национального самоопределения и даже сецессии (шотландцы и валлийцы в Великобритании, баски и каталонцы в Испании, фламандцы и

валлоны в Бельгии, корсиканцы во Франции и т.д.). Проблематика наций и национализма, преждевременно списанная с повестки дня западного обществознания, оказалась востребованной для формирования адекватного представления о современном обществе и повестки дня президентов и правительств, губернаторов и муниципалитетов, университетов и колледжей.

«Политические теоретики стали наконец-то обращать серьезное внимание на национализм... но этот предмет по-прежнему редко удостоивается последовательного и продолжительного аналитического исследования» [17. С. 9]. В результате нация как «относительно старая форма межпоколенческого сообщества, очевидно, заняла беспрецедентное по политической важности место именно в ту пору, когда ее влияние вроде бы должно было сократиться (имеется в виду унифицирующее воздействие глобализации)... Другими словами, одна из самых могущественных новых сил в современном обществе, национализм, по-видимому, ведет себя совсем не по-современному. Значит, либо национализм не то, чем он кажется, либо что-то не так с нашим пониманием современного общества» [17. С. 495].

Долгое время национализм объясняли чуть ли не природной склонностью людей проявлять лояльность к членам своего национального сообщества, т.е. неким «национальным духом». В последней четверти XX века модернистские теоретики (например, Э. Геллнер) объясняют усиление лояльности к нации рациональными причинами и укреплением связи между национальным и индустриальным обществом. Национализм оказывается продуктом модернизации, а выдвинутый Геллнером принцип — совпадение этнических и политических границ — создает условия для утверждения «народного суверенитета», т.е. включения народных масс в процесс создания отвечающего их национальным устремлениям политического организма. Однако Геллнер, в отличие от ряда своих коллег, не рассматривает современный национализм как возвращение к старомодным мифам. Для него национализм — это рациональная идеология на той стадии развития индустриального общества, когда жители страны через институт гражданского общества оказываются членами национального государства. Таким образом, лояльность к нации из обычного эмоционального фактора превращается в фактор политический. Политизация лояльности людей к нации и есть та новая специфическая черта, которую следует рассматривать как одну из важнейших причин подъема национализма.

«Доктрина народного суверенитета учит нас мыслить о государстве как о хозяине территории, а о народах — как о хозяевах государств, или, выражаясь иначе, они учат нас, что государства суть средства, которыми народ устанавливает свое господство над данными территориям» [17. С. 248]. Заметим, что рационализм национализма нового типа не исключает недемократические (даже антидемократические) методы, которые политическая группа может использовать от имени народа для решения своих задач, и понятие народного суверенитета может восприниматься не только правящими элитами нации, но

и народными массами как легитимизация и законных политических актов, и явного произвола. Концепция народного суверенитета, которую Б. Як, склоняясь к постнациональному видению мира, фактически подвергает критике, взывает к идеалам английской, американской и французской революций. Сама по себе эта концепция, если применить ее к прежним и сегодняшним конфликтам, оставляет нас наедине с трудными, практически неразрешимыми проблемами: «Кто принадлежит к народу в Венеции 1848 года, Алжире 1955 года или Квебеке 1999 года — обитатели Венеции, Алжира, Квебека или все австрийцы и итальянцы, французы и арабы, англо- и франкоговорящие люди в пределах крупных государств, которым те принадлежали в свое время?». Понятие народного суверенитета «оправдывает делегитимизацию государственных границ, не давая никакого дельного указания — кроме как смириться — тем, кого не удовлетворяет, как в текущий момент поделены политические и культурные сообщества» [17. С. 217, 252, 253].

Достаточно взглянуть на политическую карту мира, чтобы оценить сложность и противоречивость процессов, которые подрывают стабильность как многонациональных сообществ, так и мировой цивилизации в целом. Национализм и в условиях глобализации демонстрирует не только живучесть, но и поразительную активность, легко создавая то в одном, то в другом регионе взрывоопасную ситуацию. Можно ли уйти от этой угрозы, зачастую созданной не сегодня, а в ходе истории? Б. Як анализирует две стратегии — национализации политического сообщества и политизации национального сообщества. Первая стратегия, которой придерживаются приверженцы гражданского национализма, нацелена на очищение реальности нации от культурного партикуляризма, т.е. на строительство общества как согражданства свободных от этнических пристрастий людей. Вторая стратегия нацелена на очищение общества, ставящего во главу угла специфические этнические ценности, от претензий на власть, обусловленную приверженностью этим ценностям большинства. Як демонстрирует непримиримость к насилию и вместе с тем дает чисто риторический ответ на поставленный выше вопрос: «Почему бы не попытаться восстановить жизнеутверждающую созидательность культурного национализма и защитить ее от угрожающих жизни искушений политического национализма?» [17. С. 256–258]. Но культурный национализм при определенных условиях может перерасти в политический, их взаимная связь — объективный факт.

Неудивительно, что в центре исследований противоречивого воздействия глобализации на социальную политику оказался новый национализм — всевозможные антиглобализационные течения, проявления сепаратизма, фрагментации, казалось бы, стабильных государств и союзов, новые национальные движения «этнического возрождения», появившиеся после деколонизации Африки и Азии и крушения бывших империй (распад СССР и социалистического блока). По мнению С. Терли, «повсюду в мире происходит националистическая революция... мы почти наверняка находимся на пороге

появления новой мировой политической парадигмы, глобалистический политический и экономический порядок, который явно господствовал в последние несколько десятилетий, фактически рушится под воздействием обновленного чувства национализма, популизма и традиционализма, требующего утверждения во всем мире нового политического порядка» [28. С. 7, 10]. Ссылаясь на публикации Э. Гидденса и других видных социологов, Терли стремится доказать, что новый национализм как масштабное политическое и культурное течение развивается в русле главных принципов современности, чтобы противодействовать глобализму и элитам, получающим неслыханные прибыли от использования труда без конца прибывающих легальных и нелегальных мигрантов, что оставляет без работы огромные массы местного населения.

Новым национализмом называл свою программу Т. Рузвельт, ставший Президентом США в 1901 году. Он потерпел поражение в 1912 году, несмотря на выдвинутый в ходе предвыборной борьбы популистский лозунг превращения федерального правительства из защитника закона и порядка в поборника социальной справедливости и общественного благосостояния. Рузвельт уступил на выборах В. Вильсону — он также выступал за активную роль президента, но сумел противопоставить новому национализму Рузвельта программу новой свободы, предусматривающей возрождение демократических идеалов Т. Джефферсона [10. С. 400–401]. В течение века национализм получал то поддержку, то неприязнь и даже решительный отпор. Определенные силы в США пытаются обновить и пустить в ход это старое, испытанное, но обоюдоострое оружие, возможно потому, что новый национализм может стать основой радикального популизма, который отвергает элиты во имя народа и интернационализм ради защиты национальных интересов, не признает созданные элитой институты как раскольничество и надувательство, выражает презрение экспертам, отстаивая здравый смысл, и ратует за сильного лидера, который осуществил бы необходимые перемены.

Упомянутым политическим принципом — защитой обычного человека, культурного уклада и сокровенных национальных традиций — приверженцы националистического популизма не исчерпывают его преимуществ. Критикуя глобализм и его последствия, они опираются на тот факт, что транснациональные корпорации добиваются свободного перемещения огромных масс людей, товаров и капиталов, а также выгодного для них международного разделения труда, вследствие чего государства-нации теряют свой облик суверенных национальных государств и выступают лишь как торговые или территориальные единицы. Повсеместно люди ощущают, что мир теряет былое разнообразие и становится плоским. Создаваемые глобализаторами технологические телекоммуникационные механизмы формируют единую мировую экономическую систему, которая, по мнению многих ученых, разрушает концепцию сосуществования наций. В результате уникальность культуры, столь необходимая для сохранения национальной идентичности, исчезает, уступая место глобалистской, монолитной, ориентированной на потребительство

культуре. Все это позволяет лидерам нового национализма выступать от имени народа, а националистическим партиям — бороться с глобалистской элитой и находиться в оппозиции Европейскому Союзу [28. С. 7, 10, 14–16].

Проповедники нового национализма не могут не понимать, что их ультра-националистические лозунги тревожат общественное мнение. Терли спешит снять с нового национализма обвинения в фашизме — потому что его приверженцы не проявляют интереса к завоеванию мира, господству, а стремятся лишь к сохранению национальных границ и суверенитета. Видимо, он считает, что расистская политика движения «Alt-Right» («Альтернативные правые») в США и неофашистов в Европе не может не порождать опасений возрождения расизма и антисемитизма [28. С. 12–13]. Прогнозируя развитие социально-политических и духовных процессов, Терли называет три самых значительных продукта глобализации: космополитизм, мультикультурализм и национализм, причем последний должен не только утвердить свое первенство, но и преодолеть два других как негативные продукты глобализации. Космополитизм отвергается ввиду его несовместимости с существованием наций и национальных государств, а мультикультурализм проявляет свой антинациональный характер, декларируя равнодушие к ценностям и святыням коренных народов. Что касается продиктованной мультикультурализмом миграционной политики, то ее националисты считают источником острейших социальных и межэтнических противоречий. Приверженцы мультикультурализма вместо того, чтобы учить иммигрантов приспосабливаться к культуре стран, куда они прибыли, сегодня заставляют эту культуру адаптироваться к иммигрантам, а большинство — приспосабливаться к мигрантам [28. С. 16–17].

Бизнес зачастую смотрит на ситуацию сквозь пальцы, так как для него важнее дешевая рабочая сила. Здесь коренится причина массовых протестных акций в США, Германии, Франции и других странах, в ходе которых выдвигаются лозунги и призывы откровенно ксенофобского и расистского характера. Это ли не питательная почва для нового национализма, приверженцы которого все чаще собирают значительную часть голосов на выборах? И речь идет не о небольших странах, например, Венгрии, Австрии или Швейцарии, которые болезненно воспринимают излишек мигрантов, а о могущественной державе, создавшей экономику и обеспечившей высокий уровень жизни во многом благодаря нещадной эксплуатации мигрантов, — о США: «Нет никаких причин требовать, чтобы миграция позволяла тем, кто не в состоянии обеспечить себя, полагаться на программу помощи, оплачиваемую американскими рабочими. Это и есть трамповская шовинистическая формула благосостояния, которая стала узловым моментом платформы новых националистов в Европе: благосостояние только для граждан данной страны и никак не для тех, кому довелось пересечь границу» [28. С. 73]. «Нам предстоит сделать выбор между господством над миром и лидерством в нем», — вот слова З. Бжезинского [2. С. 12]. Новый национализм призван, по замыслу его пропагандистов, вернуть Америке ее величие, создав «новый политический порядок», и

на декларации американской исключительности зиждется идеология национализма — старого и нового. Но следует ли считать «исключительной» страну, которая уже сто лет тщетно пытается утвердить новый политический порядок во Вьетнаме, Ираке, Европе, Афганистане, Сирии и т.д.? Как отметил «Wall Street Journal», если есть сфера, где Америка проявила свою исключительность, так это ее расовая практика заключения в мучительные объятия черных американцев.

От национализма к расизму?

В конце мая 2020 года в Миннеаполисе (штат Миннесота, США) произошло событие, положившее начало широкому движению масс, которое угрожало перерасти в гражданскую войну: полицейский убил чернокожего Джорджа Флойда. Резонансные убийства полицией чернокожих имели место и в прошлом, хотя на этот раз преступление произошло не на юге, где живучесть расизма очевидна, а в северном штате — сравнительно благополучном в плане межэтнических отношений. Но уже взбудораженные размахом пандемии массы чернокожих отреагировали на убийство на редкость бурно — движение приняло характер антибелого бунта и вышло за пределы штата. Американские социальные теоретики незамедлительно дали оценку происходящему: «Подобно тому как вирус поражает чернокожих непропорционально чаще, чем другие расы, черные должны бороться с другой угрозой — полицейским насилием. Хотя обе проблемы являются следствием структурного расизма в США, полицейское насилие кроется в особенностях американского образа жизни и, очевидно, переживет коронавирус» [18]. «Белый национализм ранее именовали расовым превосходством белых, которое и сегодня не дает чернокожим пользоваться предоставленным им федеральным законодательством правом равноправных граждан» [19]. Предоставление гражданских прав — большой шаг в решении расовой проблемы, а за ним последовала реализация принципов мультикультурализма — система «позитивного действия» или «позитивной дискриминации», поставившая часть чернокожих в более выгодное положение. Однако даже в процветающем Миннеаполисе на 10% безработных чернокожих приходится 4% белых безработных, т.е. неравенство сохраняется.

Еще в конце 1950-х — начале 1960-х годов появилось радикальное крыло, проповедовавшее «расизм наизнанку» («Черные пантеры», «Черное мусульманство» и др.) Достаточно назвать одну из версий их мифологии, не уступавшей мифам белого расизма: «чернокожие в Африке создали великую цивилизацию, когда белые недочеловеки еще лазали по деревьям». Хотя движение чернокожих радикалов не получило размаха, сегодняшние угрозы белым со стороны «черных пантер» — тревожный сигнал. Активность гражданского движения афроамериканцев в целом обусловлена не только полицейским произволом, но и другими факторами (экономическими, судебно-правовыми, медицинскими и т.д.). Впрочем, это движение традиционно ограничивает требования расовой проблематикой, не замечая социальных корней той

несправедливости, которая от поколения к поколению омрачает их жизнь в развитом обществе, — афроамериканцев долгое время лишали качественного образования, культурного роста, карьеры в государственной сфере. Люди, оказавшиеся в стороне от технологического прогресса (удел множества афроамериканцев даже в условиях «позитивного действия»), продолжали ощущать несправедливость, зачастую реагируя на нее бездумным сопротивлением, массовыми погромами магазинов, уничтожением памятников и другими действиями криминального характера.

Биорасизм в США давно потерпел полное фиаско, а вот «культурный» расизм, т.е. поиск расовых особенностей общественного поведения или образа жизни, используется для «научного» оправдания сегрегации расового или этнического меньшинства. Логика «культурного» расизма, распространившегося в США с 1950-х годов, такова: чернокожие заслуживают сочувствия и лучшей участи, их дурные манеры — не вина, а беда, но кто пустит к себе в дом людей, чьи родственники отбывают наказание и чьи нравы чужды большинству сограждан. Надо отдать должное развернувшемуся в 1960-е годы необычайно массовому, охватившему наряду с черными и белых американцев, движению за гражданские права, возглавляемому М.Л. Кингом и его соратниками, которое уже тогда преодолевало предрассудки и поставило расизм вне закона.

Сохранявшаяся система неравноправия, конечно, стала причиной отклонений поведения афроамериканцев от стандартов «среднего американца». Однако, во-первых, эти отклонения нельзя распространять на многомиллионный народ, как это делают приверженцы неорасизма; во-вторых, объективный анализ воздействия среды позволяет обнаружить психологические качества не только жертв, но и борцов против угнетения. «История негритянского народа воспитала в нем определенные надежды, идеалы, обычаи и черты характера, проникнутые психологией, устремленной к свободе и равноправию... Все развитие негритянской музыки, литературы, поэзии и изобразительных искусств носит в себе печать борьбы за освобождение» [16. С. 201]. Плодотворная деятельность чернокожих профессоров, общественных деятелей и госслужащих, музыкантов и спортсменов стала частью американского образа жизни, и на этом фоне любое проявление неуважения представляется одиозным и недопустимым. Например, в вышедшем 2 января 2019 года документальном фильме знаменитый американский биолог Дж. Уотсон (удостоенный в 1962 году Нобелевской премии за открытие совместно с М. Уилкинсом структуры молекул ДНК) заявил, что разница в IQ у представителей европейской и негроидной рас обусловлена генами, и «белые определенно умнее черных». Лаборатория, в которой ученый долгое время проводил плодотворные исследования, поспешила отмежеваться от этого противоречащего науке заявления и подвергла ученого санкциям. К сожалению, даже извинившись за свое расистское высказывание, Уотсон не отказался от своего мнения [13].

Возникает вопрос: располагает ли западная академическая наука достаточными возможностями (кадры и технологии), чтобы сказать веское слово

по проблемам, затрагивающим жизнь значительной части человечества. В послевоенный период ООН, Юнеско и другими организациями были проведены экспертные исследования и опубликованы заключения по расовой проблеме, закрывшие дорогу всевозможным спекулятивным суждениям в этой сфере. А что говорит западная социальная наука сегодня? Пролистаем журнал «Этнические и расовые исследования», издающийся в Великобритании и США, на страницах которого ряд авторов поддержал тезис об ослаблении значения расы в XXI столетии в условиях роста классового неравенства. В противовес завуалированной расистской интерпретации истории межэтнических отношений в США и других странах в социальной науке появились новые отрасли, нацеленные на углубленный анализ новых тенденций (этносоциология и этнополитология) — не постнационального и постнационалистического мира (как его представляли идеологи глобализма), а мира реального со всеми его сложностями и противоречиями.

Глобализация, представляя диалектический процесс всеобъемлющей интеграции и столь же масштабной дифференциации, создает невиданные прежде возможности для сближения культур, расширения коммуникативного пространства, обогащения людей новыми знаниями, технологиями и идеями. Вместе с тем она порождает кризис серьезных проблем, одна из которых — кризис идентичности [6. С. 9]. Так, летние события 2020 года в США, начавшиеся как протест против полицейского произвола, быстро переросли в культурный хаос и деструктивные действия (уничтожение исторических памятников, смена ориентиров), что требует внимательного анализа меняющейся идентичности Америки и неожиданных аспектов традиционного расового противостояния. Например, каков внутренний мир чернокожих, каково их отношение к стране, в развитие которой множество поколений негритянского народа внесло столько сил и жертв? Сегодня афроамериканцы составляют более 10% населения США, и перед выборами за их голоса идет нескончаемая борьба. Каково отношение к чернокожим как к расовому и этническому меньшинству? Вот что писал по этому поводу во второй половине XX века негритянский писатель Дж. Болдуин: «Негры здесь никогда не считали и не считают настоящими гражданами. Негры для американского сознания и американских институтов остаются обломками рабовладельческой системы... по этой причине каждое поколение было вынуждено настаивать со все большим упорством — и большими жертвами — на своих гражданских „правах“» [3. С. 386].

Конечно, факт законодательного закрепления за чернокожими гражданских прав важен, но, как показали события в Миннеаполисе, мало что изменилось: белый расизм демонстрирует свою живучесть, и официальная Америка не в состоянии преодолеть длящуюся уже несколько веков болезнь. Но вот любопытная новация, которой, возможно, предстоит изменить ситуацию, — явная непримиримость чернокожего населения к дальнейшему полицейскому произволу и готовность дезорганизовать жизнь американских городов на юге

и севере страны в случае его продолжения. Кроме того, лозунги движения «Жизни чернокожих имеют значение» («Black lives matter») были приняты наиболее совестливой частью белого населения, символом чего стала унижительная готовность целовать ботинок чернокожего. В связи с этим представляет интерес эволюция сознания чернокожего населения, которая в течение долгого времени не становилась предметом специального анализа социальной науки в США.

Вот одно из сравнительно недавних социологических исследований группы чернокожих: М. Джонсон (Университет Флориды) опубликовал статью о парадоксе патриотизма чернокожих — конфликте между двумя лояльностями: к расе и к нации. Принять американскую идентичность означало бы проникнуться верностью американским ценностям, что противоречило бы сложившейся идентичности чернокожих — как жертв американизма и систематического расизма. Цель исследования Джонсона — проверить, сохраняется ли подобная дилемма, можно ли безболезненно пожертвовать какой-то лояльностью, чтобы уйти от разъедающего душу конфликта, или сконструировать новую гармоничную идентичность. Автор разделил чернокожих на три группы: приверженцев концепции «нация в нации», сторонников гегемонистского патриотизма и приверженцев новой идентичности. Трудность, с которой столкнулся Джонсон, — нехватка исследований по американскому патриотизму и особенно игнорирование в научной литературе темы патриотизма чернокожих [21. С. 1975].

Чтобы разрешить фундаментальное противоречие между американской и черной идентичностями, чернокожие конструируют разные патриотические идентичности, которые могут противодействовать, противоречить или сочетаться с их «чернотой» (blackness). В исследовании Джонсона часть испытуемых не считала себя связанными с Америкой, была свободна от патриотических чувств и придерживалась меритократического взгляда. Эту группу автор назвал «зрителями»: они не ощущают связи с расой или нацией и часто придерживаются взгляда на Америку как на пострасовое, меритократическое общество. Другая группа склонна к ассимиляции, часто подавляет свои эмоции, чтобы примкнуть к мейнстриму. Так, один из представителей группы, 54-летний офицер полиции, выразив «любовь к Америке», утверждал, что меньшинства чаще подвергаются аресту, потому что совершают больше преступлений; он отрицал, что меньшинства — жертвы институциональной дискриминации. Эту группу исследователь назвал «сикофантами» (льстецами).

Третья группа — «разрушители» — тесно связана с Америкой, но уже испытала на себе социальное неравенство и несправедливость: они не забыли свою родину, будь то Африка или Карибские острова, могут разделять философию радикализма и быть связаны с такими движениями, как «теология черного освобождения», «жизни черных имеют значение», «нация ислама». Для этих людей парадоксальна сама постановка вопроса о патриотической идентичности в Америке — они выражают недоверие и ненависть ко всему, что

говорят в мире белых о чернокожих. Вот высказывание 27-летней студентки, которую Джонсон относит к группе радикалов: «Американский патриотизм прославляет мир, которого не существует, американцы облагодетельствованы правом на свободу, жизнь и справедливость для всех. Но это лживый идеал, потому что в Америке не всем предоставлены эти права. Я не патриотка, так как не чувствую, что могу что-либо полюбить в этой стране, где глобальное империалистическое и капиталистическое вмешательство калечит каждую нацию на своем пути» [21. С. 1964–1965].

Либеральный национализм и будущее американской нации

В мире сложилось мнение об американцах как о нации оптимистов. Оно подкреплялось тем фактом, что богатая и могущественная нация, не знавшая войн и нашествий чужих армий, живет относительно благополучно и безмятежно. «Перл-Харбор» впервые поколебал мнения жителей страны, но не повлиял на чувства национальной идентичности, включая американский национализм. Слово «американский», по словам А. Ливина, произносится с таким пафосом, что становится ясно: «если вы американский гражданин, значит, вы обладаете рядом достоинств, которых нет у других народов... Центральным местом в духовном кредо США была и остается идея американской миссии во всем мире» [9. С. 129]. С. Хантингтон, говоря о реакции американцев на трагические события 11 сентября 2001 года, пишет о национальных флагах, спрос на которые возрос тогда во много раз и, кстати, позволил продавцам утроить свои прибыли. Флаги были раскуплены и вывешены на домах, автомашинах, одежде, что стало зримым свидетельством «осознания американской идентичности» [15. С. 22].

Западные исследователи национализма в США указывают на две его стороны: шовинизм, унаследованная от исторического прошлого вера в могущество и превосходство американского образа жизни, а также стремление распространить принципы американской демократии на весь мир; этнический национализм, т.е. присущие той или иной национальности, составляющей часть американской нации, чувства по отношению к своей и другим общностям. М. Линд пытается сконструировать еще одну разновидность американского национализма — либеральный национализм — как альтернативу для общества, утратившего традиционное представление об американской идентичности, а вместе с ним и ориентир на будущее. Либеральный национализм, который провозглашает Линд, стремится уйти от былых представлений и сформулировать концепцию нации, ее идентичности и привлекательности для широкого круга людей.

По мнению Линда [22], в конце XX столетия вопрос «являемся ли мы нацией» вновь встал перед американскими интеллектуалами: в отличие от сторонников единства страны и расовой интеграции, представители ведущих направлений изучения американской идентичности — мультикультурализма и демократического универсализма — склонны давать на него отрицательный

ответ. Соединенные Штаты, говорят мультикультуралисты, — это не нация-государство, а «нация наций», федерация национальностей или культур, населенная пятью расами: белыми, черными (афроамериканцами), латинос (испаноязычными), азиатами, жителями тихоокеанских островов и американскими индейцами. Немногочисленные, но активные сторонники старомодной школы «культурного плюрализма» склонны считать население Америки совокупностью этнических групп: англичан, немцев, ирландцев, итальянцев, поляков и т.д. Но в главном они согласны с мультикультуралистами: США — не нация-государство, подобно Франции, Польше, Китаю или Бразилии, а многонациональная федерация, как Канада, Швейцария, бывшие Советский Союз и Югославия. Существование американской нации оспаривают и сторонники «демократического универсализма», разделяющего представление о США как постнациональном государстве-идее. Выдвигая его как признак американской исключительности, они наделяют США некими моральными и демократическими качествами, якобы определяющими американское превосходство над другими государствами: США — это больше чем нация, это интернациональное сообщество, прототип будущей мировой общности.

Подвергая критике изложенные концепции новой американской нации и нового национализма, Линд возражает против мультикультуралистского представления о нации как гомогенной общности, настаивая, что нация может включать субкультуры тех или иных рас и этнических групп, которые не противоречат функционированию культурного целого. Линд выдвигает определение нации (давно вошедшее в научный оборот с теми или иными вариациями) как конкретной исторической общности, обладающей, прежде всего, общим языком, обычаями и культурой. Такая нация существовала и существует на американской земле. Большинство американцев рождается и формируется в культурном отношении в рамках этой нации, а мигрантам и их потомкам предстояло или предстоит ассимиляцию и включиться в это сообщество со всем его расовым разнообразием, или в трансрасовое общество.

Американцы, в большинстве своем верящие в исключительность своей страны, — глубоко националистичная нация, хотя в публичных дискуссиях это обычно замалчивается. Линд, объявляя себя глашатаем национализма, придерживается своей его трактовки: либеральный национализм отвергает концепцию американской исключительности и превосходства. Человек чтит свою нацию подобно тому, как чтит свою семью — не потому, что она лучшая, а потому что это его семья со всеми ее особенностями и недостатками. Линд придерживается умеренной концепции развития США: начиная с 1776 года, это постепенный, болезненный, но прогрессивный процесс реализации идей отцов-основателей [22. С. 10]. Линд отвергает традиционный националистический тезис сторонников нативизма (*native* — коренной): быть американцем — значит быть белым христианином либо следовать христианским традициям. Бытовавшая некогда формула WASP — белые протестанты англо-саксонского происхождения — давно не соответствует облику американской нации.

Либеральный национализм в определении американской идентичности отказывается от расовых и религиозных критериев. Фактически определяющими нацию факторами он считает язык (американский английский и его региональные и субкультурные диалекты) и культуру — не культуру высших слоев, а культуру народную, впитавшую за столетия региональные компоненты и расовые обычаи и традиции. Таким образом, либеральный национализм — это «вчерашний национализм „плавильного тигля“, модернизированный посредством культурного слияния и генетической амальгамации не только белых групп и мигрантов, но и американцев всех рас» [22. С. 9, 57]. Заметим, что автор опубликованной в начале XX столетия пьесы «Алембик» («Плавильный котел») И. Занвилл имеет в виду грандиозный котел, в котором плавилась и создавались все нации Европы. О расах тогда речи не было, но либеральный национализм считает, что в конечном счете плавильный процесс распространится и на расы.

С антирасистских позиций либеральный национализм оценивает и мультикультуралистскую концепцию: отвергая идею превосходства белой расы, мультикультурализм строит свою систему расовых предпочтений в образовании, при найме на работу и в политической карьере не на отказе от расовых критериев, а на вовлечении в круг лиц, получающих предпочтения, части иммигрантов из Латинской Америки и Азии. Тем самым, ежегодно число получающих льготы за счет белого населения увеличивается примерно на один миллион. Линд полагает, что таким путем осуществляется традиционная политика правящего класса «разделяй и властвуй». Без политики разъединения групп правящий класс не мог бы проводить «политику разрушения союзов, переноса бремени налогов с богатых на средние классы и рабочих, не сталкиваясь при этом с более или менее значительным народным сопротивлением» [22. С. 14].

В противовес этой «дьявольской политике» Линд выдвигает своеобразный классовый анализ: в современных США господствует белый надкласс (overclass) — небольшая группа богатых белых администраторов, удостоенных степенями и званиями, профессионалов, рантье. Вместе с зависимой от них частью населения он составляет около одной пятой жителей страны. Белый надкласс — первый национальный олигарх в американской истории, образовавшийся в середине XX века в результате слияния северо-восточной элиты с другими региональными элитами и ассимилированными потомками эмигрантов. Почти каждый из этого круга избранных уже по рождению или — реже — благодаря собственным усилиям допускается к контролю за деятельностью учреждений правительства, бизнеса, благотворительности, печати, образования. Члены надкласса, прибегая к финансовым рычагам, стремятся контролировать демократическую и республиканскую партии, обеспечивают поддержку подавляющему большинству кандидатов в политические органы и т.д. Оба важных тренда в американском обществе после 1960-х годов — введение расовых предпочтений и снижение уровня зарплат и пособий — отвечают интересам белого надкласса. Посредством расовых предпочтений последний пытается создавать и поддерживать небольшие

контингенты «надклассов» для чернокожих и испаноговорящих, среди которых отбираются потенциальные лидеры протестных акций. Вовлечение части чернокожих и испаноязычных американцев в сепаратистские надклассы, имеющие финансовую поддержку и покровительство со стороны белого надкласса, оказывается намного менее затратным, чем серьезные усилия по подъему зарплат, пособий и образовательного уровня черного и латиноамериканского большинства (не говоря уже о подъеме материального уровня жизни всех американцев). «На практике Америка разделена, если воспользоваться метафорой Дизраэли, „на две нации“ — небольшую, почти исключительно белую нацию богатых высокообразованных светских либертарианцев, которая правит огромной нацией, преимущественно белой, но с существенными прослойками чернокожих и испаноязычных, склонных оставаться религиозными и социально консервативными, придерживаясь популистских взглядов по экономическим вопросам» [22. С. 100].

С 1960-х годов белый надкласс направил свои усилия на создание надкласса среди чернокожих. Конечно, по сравнению с белым надклассом последний нельзя считать богатой элитой — эта контролирует скромный частный бизнес. Исследуя высшие слои средних классов, социологи обнаружили, что богатство белых в 2,5 раза превышает то, каким располагали чернокожие. В целом речь идет не о сильном классе бизнесменов и профессионалов, а об экономически слабой элите, зависящей от правительственных заказов и поддержки [22. С. 161]. Зависимость надкласса чернокожих от белой олигархии и ее субсидий вполне укладывается в политику «позитивных действий». Возникает вопрос: не ведет ли политика расовых и социальных преференций к «балканизации», т.е. фрагментации американского общества по этническому признаку, как это произошло на Балканах? Линд не видит здесь угрозы «балканизации» — угрозу, по его мнению, представляет положение низших классов, особенно чернокожих. Главная угроза США в XXI столетии не «балканизация», а «бразилиация» — разделение не культур по расовому признаку, а рас по классовому признаку.

Белый надкласс не заинтересован в преодолении «бразилиации» — его господство поддерживает поляризованное общество, где небольшая гомогенная олигархия противостоит пестрому по этническому и расовому составу населения, которое принадлежит к одной культуре, но разделено расовым фактором. Поэтому протестные настроения, порожденные экономическими трудностями, скорее выразятся в усилении враждебности между группами на «дне» общества, чем в восстании против верхов. Во время лос-анджелесского бунта (массовые беспорядки в начале 1990-х годов) протестующие чернокожие, латинос и белые обрушились на корейцев из среднего класса, а не пошли маршем на Беверли-Хиллз (фешенебельный район Лос-Анджелеса, где в роскошных особняках живут кино- и телезвезды) [22. С. 216]. А летом 2020 года погромам подвергалось все, что попадало под руку.

Либеральный национализм, согласно Линду, не в состоянии предложить программу решения расовой проблемы на базе социального переустройства.

Говоря о будущем, он переносит формулу американской нации из категории расового взаимодействия в русло культурной общности. Линд — решительный противник биологизации наций, поскольку столетняя история США создала культуру, являющуюся достоянием всей нации. «Мы, американцы, с либеральной точки зрения определяем свою идентичность общим языком и культурой. И до тех пор, пока эти факторы объединяют нас, мы будем составлять этнокультурную нацию, независимо от состава нашего генетического пула, независимо от характера политического единства или границ, которые, в конце концов, будут отделять нашу нацию от других» [22. С. 259].

Говоря о будущем американской нации, Линд ссылается на свою концепцию обновленного «плавильного тигля»: год от года в США растет количество межрасовых браков, и Линд решительно критикует теорию «одной капли крови», согласно которой, если в роду у человека был чернокожий, значит, он должен считаться чернокожим по сей день независимо от внешности. С. Хантингтон в книге «Кто мы?» приводит любопытный факт: в 2001 году фонд Гарварда-Хайзера и газета «Вашингтон пост» в ходе опроса установили, что 77% чернокожих, 68% латиносов, 67% выходцев из Азии и 53% белых считают не имеющим значения то, с кем человек вступает в брак — с представителем своей или другой расы [15. С. 477]. Таким образом, представления о постепенной амальгамации составных частей американской нации, включая расовые группы, вполне реалистичны. Но до такой амальгамации приходится рассчитывать на реконструируемую новую этнокультурную нацию, которая, сплотив большую часть, оставит за бортом нации тех, кто не захочет объединиться с большинством, а предпочтет сохранить коренную идентичность. Впрочем, «этно» Линд готов опустить, чтобы не ассоциировать новую нацию с расовым прошлым. Унаследованная народом с основания страны культурная идентичность настолько важна, что каждый американец должен впитать в себя ее часть. Американцы должны считать себя принадлежащими только к одной расе — человеческой — и только к одной национальности — американской [22. С. 296], а все прочие варианты реинтеграции американской нации в условиях кризиса многорасового общества либеральный национализм считает нежизнеспособными. Но смогут ли язык и культура сплотить нацию, разделяемую не только языковыми и культурными факторами, но и классовыми противоречиями, — большой вопрос, на который либерализм не дает ответа.

Библиографический список

- [1] *Аберкромби Н., Хилл С., Тернер Б.С.* Социологический словарь. Казань, 1997.
- [2] *Бжезинский З.* Выбор: Глобальное господство или глобальное лидерство. М., 2010.
- [3] *Болдуин Д.* Что значит быть американцем. М., 1990.
- [4] *Бьюкенен П.Дж.* Смерть Запада. М., 2003.
- [5] *Геллнер Э.* Нации и национализм. М., 1991.
- [6] *Горшков М.К.* Модернизация и модернизационные процессы в России (размышления социолога) // *Цивилизация. Модернизация. Идентичность.* М., 2012.
- [7] *Гринфельд Л.* Национализм. Пять путей к современности. М., 2008.
- [8] *Кругман П.* Кредо либерала. М., 2009.
- [9] *Ливен А.* Анатомия американского национализма // *Pro et Contra.* 2004. Т. 8. № 3.

- [10] *Макинерни Д.* США. История страны. М.—СПб., 2009.
- [11] *Панов П.В.* Национализм // Идентичность: Личность, общество, политика. Энциклопедическое издание / Отв. ред. И.С. Семенов. М., 2017.
- [12] *Сидорина Т.Ю., Поляников Т.Л.* Национализм: теории и политическая история. М., 2006.
- [13] *Сидорчик А.* «Европеиды умнее». Первооткрывателя структуры ДНК наказали за расизм. URL: https://aif.ru/society/science/evropeoidy_umnee_pervootkryvatelya_strukturny_dnk_nakazali_za_rasizm.
- [14] Социологическая энциклопедия. Т. 2. М., 2003.
- [15] *Хантингтон С.* Кто мы?: вызовы американской национальной идентичности. М., 2004.
- [16] *Хейвуд Г.* Освобождение негров. М., 1950.
- [17] *Як Б.* Национализм и моральная психология сообщества. М., 2017.
- [18] *Blain K.N.* Violence in Minneapolis is rooted in the history of racist policing in America. URL: <https://www.washingtonpost.com/outlook/2020/05/30/violence-minneapolis-is-rooted-history-racist-policing-america>.
- [19] *Denworth L.* A civil rights expert explains the social science of police racism. URL: <https://www.scientificamerican.com/article/a-civil-rights-expert-explains-the-social-science-of-police-racism>.
- [20] *Ignatieff M.* Blood and Belonging: Journeys into the New Nationalism. New York, 1995.
- [21] *Jonson M.E.* The paradox of black patriotism: Double consciousness // *Ethnic and Racial Studies*. 2018. Vol. 41. No. 11.
- [22] *Lind M.* The Next American Nation: The New Nationalism and the Fourth American Revolution. New York, 1995.
- [23] *Patterson O.* The long reach of racism in the U.S. URL: <https://www.wsj.com/articles/the-long-reach-of-racism-in-the-u-s-11591372542>.
- [24] *Sakamoto A., Wang S.X.* The declining significance of race in the 21st century: A retrospective assessment in the context of rising class inequality // *Ethnic and Racial Studies*. 2015. Vol. 38. No. 8.
- [25] *Shafer B.* Faces of Nationalism: New Realities and Old Myths. New York, 1972.
- [26] *The Globalization of World Politics: An Introduction to International Relations*. New York, 2008.
- [27] *Theodorson G.A., Theodorson A.G.* A Modern Dictionary of Sociology. New York, 1969.
- [28] *Turley S.* The New Nationalism: How the Populist Right is Defeating Globalism and Awakening a New Political Order. Newark, 2018.

DOI: 10.22363/2313-2272-2020-20-4-733-751

“New nationalism” and the issue of nations in the interpretation of American social theorists*

M.K. Gorshkov, A.E. Bagramov

Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the RAS
Krzhizhanovskogo St., 24/35–5, Moscow, 117218, Russia
(e-mail: director@isras.ru; ebagramov@gmail.com)

Abstract. The article considers the so-called new nationalism that has been developing in the United States and other Western countries since the last decades of the 20th century as a system of ideas about nations, sovereignty, racial and national relations, and also currents of nationalism. Recent forecasts of the ideologists of globalism about the inevitable departure from the political scene of nation-states, nations and nationalism are opposed by the contemporary nationalism which became a real political

* © M.K. Gorshkov, A.E. Bagramov, 2020

The article was submitted on 19.06.2020. The article was accepted on 10.09.2020.

factor, primarily in the United States. The authors show the variety of concepts of nationalism, which allows its supporters in the United States to follow both openly chauvinistic ideas and liberal ideas of solidarity that makes up the nation. Among the reasons for the rise of nationalism, the authors consider the interaction of two trends in the public-political life — politicization of ethnicity and ethnicization (or nationalization) of politics. The authors believe that the emphasis on ethnic nation and ethnic nationalism (as opposed to civil nation and civil nationalism) reflects the exacerbation of inter-ethnic tensions in the United States and other Western countries. Based on the analysis of the new nationalism, the authors distinguish its right direction, whose supporters nominally renounce Nazism and racism but promote similar ideas, and a moderate liberal direction which often equates nationalism with patriotism. Representatives of both trends appeal to national interests and values of the nation's historic core, and criticize migration policy and multiculturalism. In addition to 'white' racism and its evolution, the article considers the scope of nationalism and patriotism of African-American movements, in particular "Black Lives Matter" and the results of the study of the dual consciousness of African Americans as combining the concept of 'nation within a nation' and a new, completely American identity. Despite many American theorists' idea of the absence of the American nation as such, the authors consider the concept of a new identity of the American nation, which M. Lind defines as a unity of language and culture, regardless of the racial composition, i.e. as an expression of liberal nationalism and a renewed concept of the 'melting pot'. Lind and his colleagues believe that the factor of the current split of the American nation is not racial or ethnic confrontation ('Balkanization') but the social gap between rich and poor. The authors consider the criticism of the policy of the American ruling class as a means for the sociological study of the racial problem and for the development of ways for solving it.

Key words: nation; nationalism; patriotism; race; class; national and ethnic identity; 'melting pot'

References

- [1] Aberkrombi N., Hill S., Terner B.S. Sociologichesky slovar [Dictionary of Sociology]. Kazan; 1997 (In Russ.).
- [2] Brzezinsky Zb. *Vybor: Globalnoe gospodstvo ili globalnoe liderstvo* [The Choice: Global Domination or Global Leadership]. Moscow; 2010 (In Russ.).
- [3] Baldwin J. *Chto znachit byt amerikantsem* [What it Means to be an American]. Moscow; 1990 (In Russ.).
- [4] Buchanan P.J. *Smert Zapada* [The Death of the West]. Moscow; 2003 (In Russ.).
- [5] Gellner E. *Natsii i natsionalizm* [Nations and Nationalism]. Moscow; 1991 (In Russ.).
- [6] Gorshkov M.K. Modernizatsiya i modernizatsionnye processy v Rossii (razmyshleniya sociologa) [Modernization and modernization processes in Russia (sociological reflections)]. *Tsivilizatsiya. Modernizatsiya. Identichnost*. Moscow; 2012 (In Russ.).
- [7] Greenfeld L. *Natsionalizm. Pyat putej k sovremennosti* [Nationalism: Five Paths to Modernity]. Moscow; 2008 (In Russ.).
- [8] Krugman P. *Kredo liberala* [Liberal's Credo]. Moscow; 2009 (In Russ.).
- [9] Lieven A. *Anatomiya amerikanskogo natsionalizma* [America: Right or wrong? Anatomy of American nationalism]. *Pro et Contra*. 2004; 8 (3) (In Russ.).
- [10] McInerney D. *SShA. Istoriya strany* [USA. History of the Country]. Moscow–Saint Petersburg; 2009 (In Russ.).
- [11] Panov P.V. *Natsionalizm* [Nationalism]. *Identichnost: Lichnost, obshchestvo, politika. Entsiklopedicheskoe izdanie*. Otv. red. I.S. Semenenko. Moscow; 2017 (In Russ.).
- [12] Sidorina T.Yu., Polyannikov T.L. *Natsionalizm: teorii i politicheskaya istoriya* [Nationalism: Theories and Political History]. Moscow; 2006 (In Russ.).
- [13] Sidorchik A. "Evropeoidy umnee". *Pervootkryvatel'ya struktury DNK nakazali za rasizm* ["Caucasoids are smarter". Discoverer of DNA structure punished for racism]. URL: https://aif.ru/society/science/evropeoidy_umnee_pervootkryvatel'ya_struktury_dnk_nakazali_za_rasizm (In Russ.).
- [14] *Sociologicheskaya Entsiklopediya* [Sociological Encyclopedia]. Vol. 2. Moscow; 2003 (In Russ.).

- [15] Huntington S.P. *Kto my?: vyzovy amerikanskoj natsionalnoj identichnosti* [Who are We? The Challenges to America's National Identity]. Moscow; 2004 (In Russ.).
- [16] Haywood H. *Osvobozhdenie negrov* [Negro Liberation]. Moscow; 1950 (In Russ.).
- [17] Yak B. *Natsionalizm i moralnaya psikhologiya soobshhestva* [Nationalism and the Moral Psychology of Community]. Moscow; 2017 (In Russ.).
- [18] Blain K.N. Violence in Minneapolis is rooted in the history of racist policing in America. URL: <https://www.washingtonpost.com/outlook/2020/05/30/violence-minneapolis-is-rooted-history-racist-policing-america>.
- [19] Denworth L. A civil rights expert explains the social science of police racism. URL: <https://www.scientificamerican.com/article/a-civil-rights-expert-explains-the-social-science-of-police-racism>.
- [20] Ignatieff M. *Blood and Belonging: Journeys into the New Nationalism*. New York; 1995.
- [21] Jonson M.E. The paradox of black patriotism: Double consciousness. *Ethnic and Racial Studies*. 2018; 41 (11).
- [22] Lind M. *The Next American Nation: The New Nationalism and the Fourth American Revolution*. New York; 1995.
- [23] Patterson O. The long reach of racism in the U.S. URL: <https://www.wsj.com/articles/the-long-reach-of-racism-in-the-u-s-11591372542>.
- [24] Sakamoto A., Wang S.X. The declining significance of race in the 21st century: A retrospective assessment in the context of rising class inequality. *Ethnic and Racial Studies*. 2015; 38 (8).
- [25] Shafer B. *Faces of Nationalism: New Realities and Old Myths*. New York; 1972.
- [26] *The Globalization of World Politics: An Introduction to International Relations*. New York; 2008.
- [27] Theodorson G.A., Theodorson A.G. *A Modern Dictionary of Sociology*. New York; 1969.
- [28] Turley S. *The New Nationalism: How the Populist Right is Defeating Globalism and Awakenning a New Political Order*. Newark; 2018.